

РЕЦЕНЗИИ
=====REVIEWS=====

**ЛЮБОВЬ К ДРУГОМУ: РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Г.В. МОСКВИНА
«ЭВОЛЮЦИЯ ПРОЗЫ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА» (2025)**

© 2025 М.А. Дударева

*Дударева Марианна Андреевна, доктор культурологии,
доктор филологических наук, заведующий кафедрой
общей и славянской филологии Института славянской культуры
РГУ им. А. Н. Косыгина
Москва, Россия*

В современном цифровом эоне истории, да и, пожалуй, еще раньше, начиная с антропоцентрического Нового времени, человек утратил интерес к Другому, стал не способен трансцендировать за пределы собственного «Я». Однако в литературоцентрической России художник слова всегда идет по пути инициатических трансмиссий вопреки законам гипертрена Петровской эпохи и обнажает нам, выражаясь языком М.Ю. Лермонтова, «историю души человеческой». Этим и обусловлена актуальность новой монографической работы о творчестве М.Ю. Лермонтова, принадлежащей Георгию Владимировичу Москвину (*Г.В. Москвин. Эволюция прозы М. Ю. Лермонтова. М.: Издательство Московского университета, 2025. - 368 с.*), рискувшему предложить не только новый взгляд на поэтику классика, заключающейся в комплексе, имманентном рассмотрении прозаического, поэтического и драматургического, но и в движении самого исследователя к Другому, который для него, применяя понятие Д.С. Мережковского, является *вечным спутником* (на протяжении всей своей научной жизни ученый погружается за ватерлинию творчества поэта).

Стержнеобразующим в архитектонике монографии является стремление автора работы показать *четыре периода* прозы Лермонтова с позиций последовательного и целостного творческого процесса. И для достижения поставленной цели Г. В. Москвин в четырех главах книги показывает особенности раннего и позднего лермонтовского идиостиля.

Первая глава – «*Генезис прозы М. Ю. Лермонтова. Романтическая проза М. Ю. Лермонтова: роман «Вадим» как художественное обобщение раннего периода творчества (1831–1834)*» – начинается с параграфов «*Феномен обращения Лермонтова к прозе*» и «*Начало прозы Лермонтова*», которые представляют неожиданный исследовательский ход: ученый обращает пристальное внимание на психологию творчества, стараясь выявить причины обращения М.Ю. Лермонтова к прозе как к принципиально иной форме художественного бытия. В этом контексте интересна и онтологически ценна мысль Г.В. Москвина о том, что сам М.Ю. Лермонтов, обращаясь к прозе, желает достичь в творчестве принципиально иного творческого «результата», поскольку для любого художника слова поэзия и проза имеют разную концепцию художественного вещества. Пожалуй, это одна из блестящих мыслей в научной работе, которую можно было бы сравнить с размышлением В.В. Кожинова о *космической природе поэзии* (имею в виду труд «*Стихи и поэзия*»).

В последующих двух параграфах Г.В. Москвин подробно рассматривает историю создания романа «*Вадим*» и анализирует предпосылки его написания в тесной связи с лирикой (с. 81-91 монографии).

Далее во фрагментах о романе «*Вадим*» литературовед погружается за ватерлинию лермонтовского творчества и отыскивает (ему это удается) едва заметные, но важные душевые творческие движения поэта к прозе. Показателен исследовательский сюжет, связанный с анализом драматического произведения «*Цыганы*» (1829): «... даже в этом крохотном литературном фрагменте замечается тенденция к будущей прозе (легкая корректировка уровня притязаний цыган по сравнению с Загоскиным и замена пушкинского стихотворного пассажа (старик и Земфира) драматическим, написанным прозой» (с. 91 монографии).

В восьмом параграфе – «*Роман «Вадим» как обобщение раннего творчества Лермонтова*», которым завершается объемная первая глава монографии, подводится в некотором смысле итог в размышлениях о юношеском опыте художника: «... в романе отразилось влияние поэтики и идеи произведений западноевропейской (Гете, Шиллер, Шатобриан, Вальтер Скотт, Бауэр, Гюго) и русской литературы (Пушкин, Бестужев-Марлинский, Загоскин)» (с. 110 монографии). В этом исследовательском фрагменте еще раз говорится об источниках сюжета «*Вадима*»: устные предания Пензенской губернии,

эпидемия холеры и крестьянские, солдатские бунты 1830–1831 гг., внутренние творческие предпосылки, связанные с демонской темой.

Вторая глава – «**Становление прозы М. Ю. Лермонтова. Автобиографическая проза М. Ю. Лермонтова: роман “Вадим”, отрывок “Я хочу рассказать вам... ”, роман “Княгиня Лиговская”**», состоящая из семи параграфов, на первый взгляд частично дублирует информацию из предшествующей главы, но книга, метафорически выражаясь, построена по принципу «концентрических кругов», когда мы неоднократно возвращаемся к исходному, в данном случае к положениям о романе «Вадим»: «роман «Вадим» оказывается способным объединить два *возраста* (ранний и молодой) художественной деятельности Лермонтова, роман «Княгиня Лиговская» – обозначить переход к зрелому, совершененному этапу творчества» (с. 115 монографии). И в этом случае исследователь снова стремится выявить и вскрыть **внутренние законы** творчества. Г.В. Москвину в параграфах данной главы удается «проследить динамику осуществления прозы Лермонтова в 1832–1837 гг., установить творческую логику ее развития» (с. 116 монографии).

Третья глава – «**Зрелая проза М. Ю. Лермонтова. Роман “Герой нашего времени”: идеинная структура**» – является органичным продолжением размышлений о становлении лермонтовской прозы, анализа «Княгини Лиговской». Она состоит из девяти параграфов, пронизанных онтологической проблематикой. Литературовед обращается к танатологической и телеологической темам, которые эксплицитно и имплицитно раскрываются в главном романе писателя: «Проблематика жизни и смерти, рождаясь из сочетания потребности разрешить вопрос и темы в конкретном произведении, представляет *нерв* мировоззрения Лермонтова» (с. 212 монографии). Герменевтическая реконструкция этого смысла на материале диалога Вернера и Печорина кажется наиболее удачной в этой главе книги: Г.В. Москвин указывает на мнимую простоту этого философско-метафизического разговора о жизни и смерти, который подразумевает разрешение главного вопроса о смертности / бессмертии. Именно этот вопрос всегда указывает на творческую зрелость любого художника слова.

Четвертая глава – «**Поздняя проза М. Ю. Лермонтова: роман “Герой нашего времени”, повесть “Штосс”, очерк “Кавказец”. Экзистенциальная парадигма в прозе М. Ю. Лермонтова**», завершающая фундаментальное научное исследование, снова демонстрирует работу метода «концентрических колец»: литературовед возвращается к «Герою нашему времени», связывая его с неоконченным романом «Штосс». В этой главе, совсем небольшой по объему, решается «вопрос преемственности по отношению к предшествующей прозе и возможной динамике ее развития» (с. 266 монографии).

Эта глава потенциальна по своей сути: ученый показывает нам «окрестности» прозы М. Ю. Лермонтова, которая существует и развивается в контексте идеино-стилевого разнообразия отечественной литературы тех лет. Здесь же автор работы отмечает: «В ранней лирике Лермонтова, в период до начала его прозы, откровения, выражавшие потребность юного поэта в объяснении сущего для человека, возникали в минуты страдания любви или ощущения пустоты существования ...» (с. 291 монографии). Именно в этих наблюдениях, связанных с синтезом поэзии и прозы, заключается новизна работы. И это единство характерно, по тонкому наблюдению Г.В. Москвина, для четырех периодов прозы М.Ю. Лермонтова.

Именно имманентный подход к поэтике русского классика позволяет в его прозе увидеть символические просветы, связанные с лиричностью пейзажа, созданного по принципу рембрандтовского освещения, выводит исследователя на онтологические вопросы творчества.

20 ноября 2025 г.